Станислав ЗОЛОТЦЕВ

РАЗЛИТА МУЗЫКА В ЕГО СТИХАХ

Поэт Владимир Терехов

Что и говорить, сегодня, когда общественная атмосфера невероятно раскалена, мы и от поэзии ждем того же, чего от публицистики, от радио и ТВ — острого разговора о на болевшем, темпераментных размышлений над жаркими и горькими проблемами идущих лет. В немалой мере это закономерно, и поэзия нынче в силу свою, в меру своих возможностей выполняет та-

кую задачу, откликается на эти требования. Но все же нельзя не сказать, что подчас происходит нечто неестественное: открывая книгу современного поэта или его новую рукопись, мы ищем в ней прежде всего стихи, связанные с разоблачением социальных наших пороков, с последствиями застоя и перестройки и так далее. Хочу сказать определенно: политизация поэзии не должна мешать поэзии оставаться самою собой, или, говоря словами Блока, мешать ей «выполнять её таинственное предназначение». Быть вместилищем самых заветных и извечных — а потому относящихся к любому дню с его острыми вопросами, — чувств и мыслей. Быть лирикой в изначальном смысле этого слова, песней сердца. А если сердце честное и открытое, то оно, разумеется, будет способно и на гнев, и на ненависть к черным силам — но оно не утратит способность радоваться жизни, ее добру и красоте, ее необыкновенному многообразию и многозвучию.

Поэзия должна оставаться поэзией во все времена, напоминать человеку о том, что есть и должна быть на свете любовь, во имя которой и надо жить, трудиться и бороться с пороками. В ином случае труд поэта обречен на то — именно сегодня, — чтобы, как и вчера, «обслуживать» злобу дня, только если вчера стихи-однодневки рисовали все в розовом свете, то теперь упор идет на негатив. Такое сейчас происходит часто. И все же правота за теми, кто остается верен себе, своей заветной теме.

Такая преамбула к разговору о творчестве крымского поэта Владимира Терехова мне понадобилась не для того, чтобы «оправдать» его содержание, оправдывать тут нечего, но необходимы некоторые пояснения. Конечно, Владимир Терехов остро чувствует современность с ее животрепещущими проблемами, и в его творчестве есть весомый ряд стихотворений, обращенных к теме защиты природы (она отчасти звучит и в большой поэме «Канал»), и к теме борьбы добра и зла, предательства и верности, и другим жгучим точкам нашей социальной жизни. Но все же симферополец, прежде всего, остается лириком, и в этом его главная сила, и в этом главное достоинство е г о поэзии.

Я хочу привести целиком стихотворение, «Утро», которое является как бы «ключом» к творческой системе поэта, «знаком» его мировосприятия:

Солнце каплями меда сочится
Сквозь деревьев густые кроны...
Надо ж было такому случиться:
Мне сегодня приснились кони.
Мне сегодня наснились кони,
Надо ж было такому сниться:
Я в шальной верховой погоне
Все летел, не боясь разбиться.
Тишина каждый звук ловила
Настороженным чутким ухом;
По лугам табуны бродили,
Утопая в траве по брюхо.
Удивляясь погоне шалой,
Жеребцы, заливаясь, ржали.

Только эхом звенели дали,
Только звезды в глазах дрожали.
Рядом месяц летел, как птица,
Над равниною голубою...
И не знал я, что это — снится,
Что гонюсь за самим собою.

Южнорусская лирика... Недаром так органично «врос» в плоть русского стиха украинизм «наснились». Жаркое, жадное до солнца и земли, до любви и тайны стихотворение, темпераментная фантасмагория, которая реалистичнее любой яви, фотографически запечатленной. В стихах Владимира Терехова, даже самых жестких по звучанию, есть некий «воздух», атмосфера повышенной эмоциональности, позволяющая поэту самые простые слова нагружать максимумом смысла, заставлять звучать их многомерно. Тут, надо сказать, помогает ему и доброе умение в работе со словом, хороший уровень квалификации в стихотворчестве, верификационное разнообразие. Есть, конечно, ряд сугубо, казалось бы, пейзажных стихотворений, посвященных горам и степям Таврии, украинским и южнорусским просторам, но когда читаешь их, остро ощущаешь: пейзаж в них «не слепок, не за стывший лик», он живет и дышит в мятежной душе героя-современника, он тревожен и напряжен, он будит в нем мечту о счастье, он зовет человека быть жизнелюбом:

...На скалах иней по утрам
Бел, как рубаха.
Ай-Петри лунная гора —
Колотый сахар...
Но плавники оживших рыб
Ей режут недра —
Лавины падают с горы
Быстрее ветра.
А ветер в радостной возне
Палит из ружей.
И шепчет соснам о весне
И кроны кружит.

Не из такого ли мировосприятия, не из такого ли чувства единения души человеческой с духом земли и рождаются гневные и сильные строки, в которых возникают картины погубленной природы: в Крыму, как известно, экологическая ситуация особо тревожна. Вот здесь-то и «включается» социальная роль лирики — та, с которой хорошее стихотворение о любви в тысячу раз гражданственнее «среднестатистического» стихотворения на злобу дня. Герой — и поэт — не «припадают» к лону природы за живительными струями озона, они дышат жизнью во всем ее полнокровии, радостях и бедованиях:

...Махнем-ка, брат, на Тарханкут!
Июль в полынь вплывает жарко.

Там хлебороб закинул кнут
И умывается соляркой.
Там крошит камни звонкий плуг.
Но не сдается даль былая —
Скирдой осевшею пылает
Сухого солнца полукруг.
Там дождь в хлеба, как Бога, ждут,
Земле служа и угождая.
Но даже в год неурожая
Родных полей не предадут.

Мне представляется, в этих строфах выражено кредо художника и лейтмотив его отношения к жизни — к героям, к людям. Оно, на мой взгляд, *обретает особую важность сегодня.*

Ибо, конечно, нужны не только статьи, очерки, фильмы, но и стихи о «больных» людях нашего общества — о наркоманах, проститутках, алкашах, торгашах, ворах и так далее. Но плохо то, что они, именно они, становятся главными героями дня. Такая тенденция наметилась и в поэзии, — и хвала художнику, который сегодня создает яркие стихи, где героями или лирическим «я» является человек работающий, социально активный, действующий; пусть он даже награжден сотней недостатков, пусть он сомневается в себе и мучительно терзается, когда речь заходит о соотношении добра и зла (жутка, к примеру, трагедийна, но полна реальной жизненной философии баллада «Волк», где «я» перевоплощается в образ зверя — это поступок поэта), — но это, повторяю, человек-созидатель, а не плесень на теле народа. Вот в чем видится мне главная ценность творчества Владимира Терехова.

Особенно надо сказать о поэме «Канал». Не буду целиком анализировать ее структуру, подвергать сомнению большой, масштабный замысел автора, тем более что этот замысел: показать, как меняются, растут, трудятся, живут люди, строящие канал в Крыму,— во многом осуществлен хорошо. Особенно удались поэту «связки», т.е. страницы, на которых современность сопрягается с прошлым, давним и недавним, с былыми веками и десятилетиями южного края. Одним из главных «героев» поэмы стал Сиваш, с его драматической историей, с его переплесками красок, с горечью поражений и радостью побед. Мне думается, что, пожалуй, излишни те бравурные куски, которые — будем откровенны и честны сами перед собой — были данью бравурной поэзии времен застоя.

Лучшие, на мой взгляд, в поэме, самые живые, «пружинные» ее главы, — это, к примеру, глава о старике Кондрате, в гражданскую и в Великую Отечественную типичном характере нашего воина, или главы о молодых строителях. В целом же поэма — своеобразная, по-настоящему лирическая, цельная, гражданственная.

Вообще во всех стихах Владимира Терехова разлита очень человечная музыка, музыка дружества и любви к людям — при всем понимании сложности и неоднозначности их характеров:

Не верьте, что слезы нам душу врачуют.
Не верьте, что боль исцеляет от ран.
Страданья, по белому свету кочуя,
Нам жизнь разъедают, как тело — уран.
Они гордецов превратят в попрошаек.
Толкнут жизнелюба к последней двери.
Они не спасают, они иссушают.
Лишь радость способна живое творить!
Но как ее мало! И как ее тратим!
Все илом заносит бездумный поток.
Но роется в иле какой-то старатель —
Большие ладони, лопата, лоток.
Копается кто-то в своем огороде.
Другим же иная забота близка.
Отмой нашу радость от ржавой породы,
От липкой крупы золотого песка!
Приходят сомненья отравой ползучей,
Смертельней у сердца не выдавишь стон.
И все же: да здравствует радостный случай,
Рождения случай — не смерти закон!..

Этими строфами из образного и светлого стихотворения Владимира Терехова я и хочу завершить отзыв о его творчестве. О поэзии свежей, поисковой и опирающейся на прочные литературные традиции — традиции русской поэзии любви к жизни.

Москва–Симферополь.2008.